

Камертун

Журнал Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова

№ 131, МАЙ-ИЮНЬ, 2022

к 80-летию
Елены Дмитриевны
ЕРШОВОЙ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

От составителя

6 марта 2022 года исполнилось 80 лет со дня рождения **Ершовой Елены Дмитриевны** — яркой Личности в современной истории Саратовской консерватории. С её именем связан значительный этап современной истории Саратовской консерватории, начиная с середины 60-х годов XX века. Научный и педагогический авторитет, блестящий организаторский талант способствовали быстрому выдвижению Елены Дмитриевны на руководящие должности: 1972–1975 — заведующая кафедрой истории музыки; 1982–1987 — заведующая кафедрой теории музыки и композиции; 1987–2001 — проректор по научной работе. Одной из первых на кафедре Елена Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова и получила учёную степень кандидата искусствоведения (1976); была удостоена учёного звания профессор (1992) и почётного звания «Заслуженный деятель искусств РФ» (1996).

Елена Дмитриевна родилась в г. Орске, в семье служащих. Отец — Дмитрий Борисович Ершов (1900–1987) — был крупным инженером, способным организатором, возглавившим в годы Великой Отечественной войны один из отделов завода оборонного значения, базировавшегося в Орске. Мать — Софья Ивановна Ершова (1905–1981) — была медицинским работником. Елена стала поздним ребёнком в семье Ершовых и была на 12 лет моложе своей сестры Людмилы и на 10 лет младше двоюродного брата Бориса (племянника матери, которого семья Ершовых усыновила после гибели в ленинградской блокаде родителей Бориса). «Издание третье» — как в шутку называли её родители — оказалось прелестным созданием с глазами цвета фиалки и хваткой настоящего бойца. Как вспоминала Елена (со слов родителей), в младенчестве её ангельская внешность притупляла бдительность приятелей и знакомых семьи. Маленькая Елена терпеть не могла «сюсюканья» и восторгов по своему поводу и была наотмашь. Так уже в раннем возрасте проявился характер, который всегда выделял её и помогал во взрослой жизни.

Детство Елены прошло в сказочном Кисловодске, куда вскоре после окончания войны переехали родители. С тех пор этот город стал для неё олицетворением праздника и счастья, городом-мечтой, в который она всегда стремилась попасть. От родителей Елена унаследовала два противоположных свойства характера: жёсткость и строгость от мамы; ум, смешиливость и доброту от папы. К родителям относилась почти патриархально: не только почитала, но и постоянно находилась рядом, своей заботой и любовью продлевая им жизнь. В конце сороковых годов семья переехала в Саратов, и с этого времени начался отсчёт «осознанного» времени обучения в общеобразовательной и детской музыкальной школе № 3, в музыкальном училище и консерватории. Несмотря на то что в семье не было музыкантов, Елена на всех этапах своего обучения проявляла большие музыкальные способности, которые отмечались многими её преподавателями (Ю.А. Воскресенский, К.Л. Хмара, Т.И. Надеждинская, Б.А. Сосновцев), и поэтому не случайно после окончания консерватории она была оставлена работать на кафедре теории музыки и композиции.

Основу специального выпуска журнала «Камертон» составили воспоминания разных лет коллег, друзей и учеников Елены Дмитриевны, а также некоторые выступления на открытии в 2001 году мемориальной доски памяти её имени.

Вишневская Л.А.,
зав. кафедрой теории музыки и композиции,
доктор искусствоведения, профессор
(ученица спец. класса Е.Д. Ершовой)

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ**

■ Е.Д. ЕРШОВА: ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ, ЧЕЛОВЕК

Музыковедческая школа Саратова тесно связана с Еленой Дмитриевной Ершовой — знаковой Личностью в современной истории Саратовской консерватории. Её музыкальные «университеты» сконцентрировались в Саратове: музыкальная школа, музыкальное училище и консерватория стали ступенями восхождения к педагогическим и творческим вершинам. Написав кандидатскую диссертацию под руководством известного московского музыканта и теоретика В.О. Беркова и защитив её в 1975 году в Ленинградской консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, Елена Дмитриевна достойно поддержала престиж музыковедческой школы Саратова (вспомним, что в 60–70 годы XX века защита диссертаций при небольшом количестве специализированных советов была крайне сложным процессом). Педагогическое мастерство проявилось сразу и почти в «экстремальной» ситуации, когда она, совсем юная, пришла в класс к студентам, на много лет превосходящим её по возрасту. Уверенность, знания молодого педагога покорили строптивых и одарённых учеников её первых лет работы, среди которых были известные в будущем баянист А. Сенин, вокалист В. Щербаков, композитор и дирижёр А. Фельдман.

Елена Дмитриевна быстро стала ведущим педагогом кафедры теории музыки и композиции, авторитетным специалистом в области формообразования и гармонии музыки разных эпох и, прежде всего, современных композиторов. Одной из первых в отечественном музыкознании

она ввела в курс анализа музыкальных произведений новаторскую теорию формы В.П. Бобровского. В 70-е годы XX столетия состоялось её знакомство с этим выдающимся московским музыкантом, работавшим в то время над своей функциональной теорией музыкальной формы. Елена Дмитриевна много рассказывала о нём, о своих первых поразительных впечатлениях и от новой теории (имевшей поначалу много критики в музыковедческой среде), и от светящегося музыкой человека. Виктор Петрович оценил заинтересованность и искренность восхищения своим трудом, подарив Елене две рукописные части своей ещё не изданной работы. Так саратовские музыковеды смогли задолго до выхода книги в издательстве узнать о теории, перевернувшей традиционное учение о музыкальной форме.

С именем Елены Дмитриевны связано обновление традиций преподавания гармонии в Саратовской консерватории, в частности, введение курса современной гармонии в учебный обиход. Известно, что не только в Саратовской, но и других консерваториях изучение языка современной музыки долгое время было ограничено сочинениями С. Прокофьева и Д. Шостаковича. Инициативе Е.Д. Ершовой мы обязаны тем, что был введён (сначала факультативно, а затем как основной) курс современной гармонии, включивший стили Б. Бартока, И. Стравинского, О. Мессиана, нововенцев, П. Хиндемита, А. Шнитке и других композиторов XX века. И хотя Елена Дмитриевна специализировалась в преподавании анализа

После концерта: Г. Корчмар, А. Кати, А. Шнитке, В. Фельцман, В. Шувалов

музыкальных произведений (в том числе, в области современного формообразования), она первой на кафедре стала преподавать курс современной гармонии в теоретическом и практико-стилевом аспектах. Последний актуализировал такое направление в изучении теоретических дисциплин, как композиция-сочинение, успешно реализуемое в практических заданиях учеников лицея для одарённых детей при Саратовской консерватории, студентов-музыковедов и композиторов.

Результатом её многолетней педагогической и исследовательской работы стало учебное пособие «Современная гармония», которое включило краткое изложение теоретических вопросов современной гармонии и разработанную (совместно с композитором Е.В. Гохман) систему практических заданий, образцом выполнения которых стал целый том студенческих стилизаций. Благотворным для ученика стал её педагогический дар «раскрутки» студента: выявление музыкантского и творческого потенциала, умение заставить работать самостоятельно. Поэтому многие из студентов и аспирантов Елены Дмитриевны развивались ярко индивидуально как в идеях и направлениях своих работ, так и в выборе тематики научных исследований, в определении предстоящей музыкальной деятельности.

Даром талантливого учёного отмечены исследовательские работы Елены Дмитриевны. В этом таланте особенным был дар видения и предвидения нового и современного в музыкальном искусстве и музыкознании. Её дипломная и диссертационная работы были посвящены творчеству Н.Я. Мясковского, а вся последующая научная и педагогическая деятельность связана с изучением формообразующих и стиливых аспектов музыки И. Стравинского, Б. Бартока, Р. Шедрина, Э. Денисова, С. Губайдулиной, А. Шнитке, Г. Канчели, А. Тертеряна, Б. Тищенко, Б. Чайковского и многих других современных композиторов.

В этом ряду творчество Альфреда Шнитке стало точкой пересечения исполнительских и исследовательских проектов Елены Дмитриевны в пору её заведования кафедрой теории музыки и композиции, работы в должности проректора по научной работе Саратовской консерватории. В 80-е годы XX века музыкальный Саратов был одним из немногих городов бывшего СССР, где открыто исполнялись сочинения опального композитора, организовывались творческие встречи с композитором и его братом, поэтом Виктором Гарриевичем.

В немногочисленную группу консерваторской поддержки входила и Елена Дмитриевна, уже тогда предчувствующая сопричастность саратовских музыкантов к жизни и творчеству своего земляка и гения XX века. Так родилась идея создания «Das Schnittke-Zentrum», задуманного как научно-информационная и культурно-просветительская организация при Саратовской консерватории. Открытию «Шнитке-центра» предшествовали многочисленные консультации Елены Дмитриевны с ведущими музыкантами Саратова, представителями «VDA» (Союза поддержки немцев за рубежом) и «Freundschaft» (Клуба немецкой культуры). Но самым главным аргументом в создании Центра стал ответ А. Г. Шнитке на письмо-обращение группы педагогов Саратовской консерватории:

«Уважаемые господа Ершова, Бренинг, Вартанова и Малышева! С большим удовлетворением и благодарностью прочёл Ваше письмо от 1 марта и план (в приложении). Извините, что отвечаю так поздно, — письмо было

прислано по другому адресу и потом только с опозданием переслано мне (а я иногда и не в Гамбурге). Никогда ещё не был так взволнован! Прочёл положение, — в целом его план интересен и необходим (удивление вызвало лишь упоминание города, названного именем Маркса). Представляется излишним длительное обоснование причин создания такого центра — вероятно, было бы достаточно одной фразы. Интересен план в целом — с возможными дополнениями. Конечно, я согласен! С уважением Альфред Шнитке. 02.05.93, Гамбург».

Программа презентации «Шнитке-центра» собрала заинтересованную аудиторию и была представлена конференцией, мастер-классами, концертами, в которых приняли участие профессора Московской, Санкт-Петербургской и Саратовской консерваторий, хоровые ансамбли Немецкого Дома г. Саратова (рук. Б. Милютин, О. Шубина) и Астраханской консерватории (рук. Е. Шишкина), струнный квартет «Моц-Арт» Саратовской филармонии и хор Саратовской консерватории (рук. Н. Владимирцева), солисты Саратовского театра оперы и балета, немецкие музыканты Эдит Нортдоф, Мюллер-Лоренц и Мюллер-Блаттау. Сам Альфред Гарриевич горячо поддержал музыкантов Саратова в своём письме Е.Д. Ершовой: *«Дорогая Елена Дмитриевна! Большой радостью для меня явилось Ваше письмо от 14.10 с извещением относительно открытия Центра — спасибо! Желаю Вам и Центру удачи! (К сожалению, не знаю, когда попаду в Москву и в Саратов). С сердечным приветом сотрудникам и студентам Немецкой-1 консерватории. Ваш Альфред Шнитке (подпись А.Г.Ш.). 12.11.93, Гамбург».*

С самого начала своей работы «Шнитке-центр» завоевал популярность благодаря творческой атмосфере и продуманной «политике» его руководителя Е.Д. Ершовой. Главная идея «Центра», связанная с исполнением и изучением музыки композитора, постепенно обросла широким исследовательским и исполнительским контекстом. Мощь, духовная сила, многогранность личности композитора и его музыки отразились во всём, что связывалось с его именем. *«Чем больше культурных слоев в музыке, тем она тоньше»* (А.Г. Шнитке). Это художественное кредо композитора, воплощённое в идее вобрать в себя всю историю музыки, преломилось в деятельности «Шнитке-центра». Семинары немецкой классической музыки, конференции по вопросам истории, этнографии католических и лютеранских песнопений, фольклора российских и поволжских немцев, участие в праздниках «Weihnachten» и «Ostern», проводимых Землячеством немцев Поволжья, впервые в России организованный конкурс имени А. Шнитке «Юный композитор» — вот далеко не полный перечень мероприятий «Шнитке-центра».

Деятельность «Центра» невольно оказалась втянутой в культурную жизнь России последнего десятилетия XX века, в которой особое место стало занимать возрождение русско-немецких связей. Немецкая линия истоков Саратовской консерватории, связанная с именами С.К. Экснера, П.Ю. Эгерта, К.-В.Г. Брандта, Л.М. Рудольфа и многих других музыкантов, в конце XX века нашла своеобразное продолжение в различных формах деятельности «Шнитке-центра». Особое значение Елена Дмитриевна придавала сотрудничеству с открытым в Саратове Генеральным консульством Германии, с обществом немецких культурных связей «VDA», с Немецким Домом Саратова. По их инициативе в Поволжье прошли Международные

Уважаемые господа Ерица, Бренин, Вартенова и Малыхина.
С большим удовольствием и благодарностью прочел
Ваше письмо от 1 марта и так (в приложении).
Извините, что отвечаю так поздно - письмо было адресовано
по другому адресу и перешло только с опозданием
переслано мне (а я была и не в Тамбурге).

Никогда еще не был так взволнован! Проект точности
- в целом но так интересен и необходим (удивление
вызвало лишь упоминание города, названного именем Мерку.
Представляется возможным дальнейшее обоснование причин создания
такого центра - вероятно, было бы достаточно одной фразы.
Интересен план в целом - с возможными дополнениями.
Конечно, я согласен!

С уважением

Андрей Шмидт

02.05.93

Тамбург

*Усадьба «Мамонтовка» (1998) Международный научный симпозиум «Прошлое, настоящее и будущее музыкальной культуры российских немцев в свете русско-немецких связей»
Слева направо: В. Гуревич (Санкт-Петербург), В. Шеппинг (Кёльн), Е. Ершова (Саратов), Е. Шишкина (Астрахань), А. Шваб (Кёльн)*

фестивали немецкой культуры, в работе которых активное участие принял «Шнитке-центр».

Постоянными исполнителями концертов современной музыки по линии «Шнитке-центра» стали ведущие педагоги консерватории: профессора А.А. Скрипай, А.Д. Киреева, А.И. Катц, Н.А. Тарасова; лауреаты международных и все-союзных конкурсов А.В. Виниченко, Т.З. Джегнарадзе, В.А. Демидов, М.Л. Преображенский; струнный квартет филармонии «Моц-арт» и камерный оркестр студентов консерватории под руководством Т.В. Быковой. К 65-летию со дня рождения А.Г. Шнитке был издан второй выпуск «Учёных записок» Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, включивший исследования ведущих педагогов музыковедческих кафедр и посвящённый изучению различных смысловых аспектов музыки композитора. Читательский рейтинг издания был настолько высок, что сборник статей быстро стал библиографической редкостью.

В рамках проектов «Шнитке-центра» педагоги консерватории смогли принять участие в Международном научном симпозиуме «Прошлое, настоящее и будущее музыкальной культуры российских немцев в свете русско-немецких музыкальных связей», который прошёл в усадьбе «Мамонтовка» в мае 1998 года.

Также в рамках проектов «Шнитке-центра» и под руководством Елены Дмитриевны педагоги и студенты консерватории приняли участие в научной конференции под эгидой Федерального консульства Федеративной республики Германии в Саратове «Россия-Германия: XX век. Диалог культур», посвящённой 125-летию со дня рождения Томаса Манна:

Е.Д. Ершова многое сделала для «оживления» архивной истории Саратовской консерватории. В её анналах

большое место занимает деятельность и творчество выдающегося музыканта Б.Л. Яворского, последний год жизни которого оказался связан с Саратовской консерваторией, в стенах которой в 1942 году учёный провёл свои знаменитые баховские семинары. Пятидесятилетию этих событий была посвящена первая Всероссийская научно-практическая конференция, организованная и проведённая Еленой Дмитриевной в 1992 году. Вспоминает профессор Российской академии музыки им. Гнесиных З.И. Глядешкина: «В 1992 году в Саратовской консерватории прошла прекрасно организованная конференция “Наследие Б. Л. Яворского в культуре XX века”, на которую были приглашены музыковеды из разных городов. Специально к этому событию по просьбе Е. Д. Ершовой педагоги консерватории разыскивали забытую могилу Яворского, который жил здесь вместе с другими эвакуированными педагогами Московской консерватории и здесь умер. Прямо на кладбище было сказано много тёплых поминальных слов в адрес этого великого музыканта». Впоследствии идея конференции нашла продолжение в ежегодно проводимых Научных чтениях памяти Б.Л. Яворского.

Истории обновления, развития исполнительской и научно-исследовательской школы Саратовской консерватории была посвящена задуманная Еленой Дмитриевной серия публикаций о музыкантах прошлого. Её первый выпуск «Из истории Саратовской консерватории», составленный Еленой Дмитриевной, но вышедший в свет только в 2004 году уже после её ухода из жизни, включил материалы о С.К. Экснере, Л.М. Рудольфе, В.Г. Брандте, Я.Я. и Э.Я. Гаеках, М.И. Султанове, Л.В. Ростроповиче, А.П. Бонаиче, Н.М. Цыгановой, В.Е. Куколеве, С.С. Бендицком, М.Ф. Гейлиг, И.А. Тютманове, А.О. Сатановском,

Р.С. Таубе, А.А. Бренинге, Л.Л. Христиансене и других выдающихся музыкантах.

Елена Дмитриевна обладала талантом диалога, талантом всегда быть в центре музыкально-профессиональных событий, быть осведомлённой во всех вопросах музыкознания, чему способствовали постоянные творческие контакты с ведущими музыковедами страны. Благодаря этому саратовские музыканты могли слышать выступления крупных музыковедов Москвы и Ленинграда, приглашённых ею в разные годы в Саратовскую консерваторию. Это Ю.Н. Холопов, В.Н. Холопова, О.П. Коловский, К.И. Южак, Л.С. Дьячкова, З.И. Глядешкина, В.В. Задерацкий и многие другие. Не побоюсь сказать, что и появление музыки XX века (прежде всего, сочинений А. Шнитке) в репертуаре саратовских исполнителей обязано Е.Д. Ершовой, всегда пекущейся о современном уровне саратовской исполнительской школы. Скажу больше: музыкантское и человеческое чутьё Елены Дмитриевны помогло многим её коллегам и ученикам обрести уверенность в своей работе, утвердиться в своих новаторских поисках. Всё новое и осмысленное — всегда приветствовала.

Елена Дмитриевна для многих отечественных музыкантов (не только в Саратовской консерватории) была авторитетом: не своей авторитарностью, а своей личностью, нравственной сущностью. На первое место ставила талант, профессионализм, работоспособность, и эти качества определяли изначально высокую духовную планку в общении с коллегами и студентами. Поэтому во многих ситуациях, в научной работе консерватории всегда был востребован её авторитет не только музыканта и учёного, но и волевого человека. При всех рефлексиях творческих

5. **Е.Г.Князькова**, зав.отделом научной пропаганды, **С.Л.Кожевникова**, научный сотрудник Государственного музея К.А.Федина.
К.Федин о Т.Манне.
6. **Н.В.Кирсанова**, научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова (с.Вешенская).
М.Шолохов в Германии.
7. **Н.В.Мокина**, к.ф.н., доцент ПИСГУ.
Идеи и образы Ницше в поэзии русских символистов.

Утреннее заседание

Секция II

10-00

Руководитель **Е.Д.Ершова**, кандидат искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.

1. **А.И.Демченко**, доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Россия-Германия: XX век (точки пересечения художественных культур).
2. **Е.Д.Ершова**, кандидат искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Альфред Шнитке: "Влияние на мир через слияние с миром".
3. **Е.И.Вартанова**, кандидат искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Поэтика композиции А.Шнитке как отражение национального самопознания.
4. **Л.В.Севостьянова**, кандидат искусствоведения, доцент Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Драматургия Третьего квартета А.Шнитке как диалог культур.
5. **С.Я.Вартанов**, кандидат искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Альфред Шнитке философ и творец.
6. **Л.А.Кивалова**, кандидат искусствоведения, доцент Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Теоретическое наследие Ростислава Таубе в курсе гармонии Саратовской консерватории.
7. **О.И.Кулапина**, к.ф.н., доцент Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Претворение немецкого фольклора в симфонической поэме "Земля отцов" А.Бренинга.
8. **О.Б.Краснова**, к.ф.н., доцент Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Композиционный ритм "Легенды о трех святых царях" Иоанна Гельдесгеймского.
9. **Ю.В.Попова**, студ. V курса Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Немецкие народные песни Среднего Поволжья.
10. **М.А.Гефнер**, студ. V курса Саратовской государственной консерватории им.Л.В.Собинова.
Хорал в немецкой церковной музыке.

28 февраля

Государственный музей К.А.Федина

Дневное заседание

Секция III

14-00

Руководитель **И.Э.Кабанова**, зам.директора Государственного музея К.А.Федина
1. **Е.И.Водонос**, кандидат искусствоведения, зав.отделом русского искусства Саратовского

людей, это её качество было особенно ценным и необходимым для многих из нас.

Самым главным даром Елены Дмитриевны было умение жить, радоваться жизни, каждое её мгновение ощущать осмысленно и полно. Гармония природы словно отразилась в ней, соединив ум, обаяние, физическую выносливость, духовную тонкость и душевную крепость. Как часто на фоне общего уныния, меланхолии она выделялась своей смешливостью, чуждой незлой иронией, оптимизмом, который нас всех питал и поднимал. Только с такими душевными качествами можно было сводить людей и вершить судьбы.

О взаимоотношениях Елены Дмитриевны с природой надо писать отдельно. Не знаю ничего более красивого, слившегося и совершенного (всегда любовалась!) в соединении Елена и Волга, Елена и горы, Елена и море, Елена и Кисловодск — с его необъятным вширь и ввысь, начинающимся у Нарзанной галереи, парком, протяжёнными на много километров терренкурами под солнцем, сквозь гроты, по кромке обрывов в бездну, с его бесконечными восхождениями, награждающими очищением, лёгкостью духа и тела. И если в жизни она была «...слишком исключительна, слишком исключение, её нельзя употреблять в ансамбле: только её и видно!» (словами М. Цветаевой, одного из любимых поэтов Елены Дмитриевны), то перед природой склонялась и в ней растворялась, оставляя нам свет своего облика, ощущение постоянного присутствия в этой жизни и благодарную память...

Вишневская Л.А.,

зав. кафедрой теории музыки и композиции,
доктор искусствоведения, профессор

ОНА ПРОНЕСЛАСЬ ПО ЖИЗНИ, КАК ОГНЕННАЯ КОМЕТА...

Одни люди растут на нашей планете, как трава в поле, не задумываясь о том, какой след они оставят после себя, другие — пролетают, как огненная комета, оставляя после себя не только дела и свершения, но и благодарную человеческую память. Именно такой огненной кометой, подобной космическому полёту, мне представляется незаслуженно короткая, но яркая жизнь Елены Дмитриевны Ершовой. Очень жалею, что в своё время не вела дневник воспоминаний: с годами многое стёрлось. Однако в памяти осталось главное — её неисчерпаемая энергия, удивительная находчивость и острота ума, быстрота, безошибочность и точность в решении любых производственных, а порой и личных вопросов, магнетизирующая симпатия, приковывающая к Елене Дмитриевне многих окружавших её людей. Она всегда была в центре внимания и в центре событий, да и сердиться на неё не было возможности, настолько она была скромна, обаятельна и привлекательна (да простят меня авторы популярного кинофильма за плагиатство).

В нашей группе начинающих музыковедов Елена Дмитриевна вела индивидуальный курс гармонии параллельно с Ростиславом Сергеевичем Таубе, читавшим лекционный спецкурс. Помню, как она радостно воспринимала и поощряла нас за творческие находки: так, сочинённую мной прелюдию попросила исполнить перед всей группой.

Руководить кафедрой теории музыки и композиции Ершова стала, сменив ушедшего на пенсию Бориса Андреевича Сосновцева. На первый взгляд казалось, что в период заведывания ей было легко и непринуждённо разгружать любые сложные вопросы и ситуации, и никто не думал о том, что на самом деле не так уж просто их было решать молодой и во многом неопытной заведующей: всё продумывалось и принималось заранее. Видимо, сказывался не только ум, но и её характер, наблюдательность, интуиция, умение разбираться в людях и ладить с ними.

В истории Саратовской консерватории имя Елены Дмитриевны Ершовой сохранилось, как имя первого проректора по научной работе. Выбор начальства пал на её кандидатуру. Как видно, здесь совпало всё: и мудрое руководство кафедрой, и успешная защита кандидатской диссертации, и человеческие качества. Удивительно, но именно тогда случайный человек, не имевший к нашему вузу ни малейшего отношения, всего пять минут проведший в кругу нашей компании (примерно из десяти человек) и не знавший толком никого из присутствующих, безошибочно указал на Елену Дмитриевну: «Вот достойный проректор СГК!»

Помню, как во главе с Еленой Дмитриевной мы активно организовывали первые научные конференции «Актуальные проблемы современного музыкознания и исполнительства» (1977, 1979 гг.), печатали программы и тезисы, что в то время было невероятно сложно сделать, как приглашали

В младенчестве-издание третье

ведущих специалистов из столичных вузов (достаточно назвать в то время совсем молодого музыковеда Соколова Александра Сергеевича, в недалёком будущем ректора Московской консерватории), с какой отдачей, энтузиазмом, вдохновением и гордостью проводили наши научные мероприятия.

Запечатлелись также наши совместные поездки в Москву, особенно на Международный научный симпозиум «Прошлое, настоящее и будущее музыкальной культуры российских немцев в свете русско-немецких музыкальных взаимосвязей», состоявшийся в усадьбе «Мамонтовка» в 1998 году.

Хочется думать, что мои отрывочные, но с годами не померкшие воспоминания о замечательном человеке, педагоге, руководителе дадут хотя бы частичное представление о незабываемой Елене Дмитриевне Ершовой.

Кулапина О.И.,
доктор искусствоведения,
кандидат философских наук,
профессор кафедры теории музыки
и композиции

■ О ЕЛЕНЕ ДМИТРИЕВНЕ ЕРШОВОЙ

Вспоминая свои студенческие годы, я всё больше понимаю, как же нам повезло — мне и студентам моего поколения, ведь нас учили замечательные музыканты, настоящие профессионалы и прекрасные люди. Большинство из них были представителями старшего поколения, получившими образование в Москве, Ленинграде, Казани. Это Борис Андреевич Сосновцев (анализ музыкальных произведений, чтение партитур), Арнольд Арнольдович Бренинг (сольфеджио, гармония, полифония), Елена Владимировна Гохман (индивидуальная гармония), Олег Аркадьевич Моралёв и Михаил Николаевич Симанский (инструментоведение и чтение партитур), Иосиф Алексеевич Тютманов (методика преподавания теоретических дисциплин). Но были среди них и выпускницы Саратовской консерватории Елена Дмитриевна Ершова и Елена Ивановна Вартанова, которые вели индивидуальные занятия по анализу музыкальных произведений. Они отличались от своих старших коллег большей открытостью к новым веяниям в науке, интересом к современной музыке.

С Е.Д. Ершовой я впервые встретила на экзаменах при поступлении в консерваторию. Она принимала у нас сольфеджио, гармонию и коллоквиум вместе с И.А. Тютмановым. Они составляли колоритную пару: добродушный и величавый седовласый старец и совсем молодая, сдержанная, строгая и внимательная голубоглазая женщина. Помню, что на коллоквиуме нужно было прочитать с листа

квартетную партитуру. Я никогда этого раньше не делала, испугалась и играла три голоса точно по нотам, а альт — приблизительно, сочиняя на ходу. Мне было очень неловко, но замечания мне не сделали, снисходительно «не заметив» ошибок.

В дальнейшем мне не пришлось близко общаться с Еленой Дмитриевной, потому что я встречалась с ней только на групповых занятиях по современной гармонии. Зато мои подруги-сокурсницы (Л. Анфиногенова и Л. Королькова) занимались у неё по анализу, а потом писали под её руководством дипломные работы. И рассказов о том, что сказала или сделала Ершова в той или иной ситуации, как она расценивает то или иное событие или явление, я слышала много. В них сквозило уважение к личности незаурядного педагога, восхищение её умом, талантом, эрудицией, знаниями.

На занятиях у Е.Д. Ершовой всегда было очень интересно. Она рассказывала о музыке XX века, которую в те годы трудно было услышать, о научных трудах, которые находились на переднем крае современных исследований. Это не могло не волновать наше воображение. Не случайно большинство студентов нашего курса писали свои дипломные работы именно по современной музыке.

Кроме лекционных и семинарских занятий Елена Дмитриевна руководила работой научного студенческого общества (НСО). И здесь современная музыка также была

Саратов. В детской музыкальной школе № 3 (урок по фортепиано)

Елена – студентка музыкального училища

в центре внимания. Мы готовили доклады, посвящённые произведениям композиторов XX века, и обсуждали их. Помню, с каким волнением я делала сообщение о «Пожелтевших страницах» Н.Я. Мясковского, зная, что это один из любимейших композиторов Елены Дмитриевны, изучению творчества которого посвящены её дипломная работа и диссертация.

Если попытаться сформулировать некие педагогические принципы Е.Д. Ершовой (как я их понимаю), то это — профессионализм, объективность, умение ясно видеть суть проблемы и просто, понятно её освещать, научная строгость мышления, быстрота, решительность и точность в принятии решений, спокойная доброжелательность по отношению к ученикам и коллегам, немногословность, внимание к людям. Все эти качества ещё ярче раскрылись, когда Е.Д. Ершова стала заведующей кафедрой теории музыки и композиции, а затем — проректором по научной работе.

Думаю, что очень многим своим коллегам и ученикам Елена Дмитриевна помогла и советом, и делом в определении сферы научной деятельности, в профессиональном становлении. Так было и со мной. В 80-е годы прошлого века она поддержала меня в желании заниматься изучением психологических проблем преподавания сольфеджио, на самой ранней стадии работы увидев в ней перспективу дальнейшего развития, и направила меня в ГМПИ имени Гнесиных для прикрепления в качестве соискателя. Тогда из этого ничего не вышло, и я, огорчившись, надолго забросила эту тему, решив, что, наверное, не всем дано быть кандидатами наук, стану-ка я лучше хорошим педагогом.

Однако в 2000 году, будучи уже тяжело больной, Елена Дмитриевна настояла на том, чтобы я вернулась к своей теме, поступила в аспирантуру и довела работу до конца. Я поняла, что просто не имею права не выполнить этого, не оправдать её ожиданий. Поэтому тем, что я защитила диссертацию, я обязана, в первую очередь, именно ей. Она умела ставить вопрос ребром и добиваться того, что считала правильным.

Другая сторона натуры Е.Д. Ершовой открывалась мне иногда совсем случайно, когда мы мимолётно встречались на загородных прогулках в Волжских далях или в других окрестностях Саратова. Во всём её облике читались радость от общения с природой, умиротворение, отрешённость от повседневных забот, душевная тишина. На этих прогулках я всегда бывала со своими ещё довольно маленькими детьми, и меня поражало, с каким уважительным интересом Елена Дмитриевна с ними общается, иногда молча, иногда в коротком разговоре. Было такое впечатление, что она воспринимала их не как «мелкоту», с которой можно подурачиться и посюсюкать, а как равных себе и достойных серьёзного внимания людей.

Я не могу сказать, что хорошо знала Е. Ершову, никогда не общалась с ней близко, но присутствие её в моей жизни считаю для себя очень важным для моего профессионального и личностного становления. Вспоминаю её с благодарностью и глубоким уважением.

*Иванова Н.В.,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки и композиции*

■ ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА ЕРШОВА — СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вспоминается теперь уже далёкий 1974 год. Сдаём в Большом зале Государственный экзамен по специальности и дирижированию оркестром народных инструментов. Экзаменационная комиссия по государственной аттестации того времени была единой и формировалась из представителей всех специальностей (чаще всего это были заведующие кафедрами). Секретарём такого представительного «жюри» была Елена Дмитриевна Ершова, что подтверждается её автографом в моём Дипломе о высшем образовании. Она сидела с левой стороны длинного представительного стола. Память хранит этот эпизод как первое знакомство с педагогом, на лице которого была добрая улыбка. Очень собранная в своих действиях, аккуратная (может, поэтому её и назначили секретарём комиссии), Елена Дмитриевна была предельно доброжелательна и внимательна к окружающим, в частности, к выпускникам.

Позже, после двух лет отсутствия в Саратове, мне посчастливилось вернуться в «Alma mater» уже в качестве педагога. Это было совсем другое ощущение в сравнении с годами обучения. Мне, вчерашнему студенту, теперь необходимо было присутствовать на заседаниях Учёного Совета, партийных собраниях и взаимодействовать с теми преподавателями,

у которых мы учились, которым сдавали экзамены. Чувство очень интересное, и оно заставляло обдумывать каждое своё действие, каждое слово, и продолжать уважительно относиться к преподавателям старшего поколения, быть им всегда благодарным за науку познания. Вот так на педагогическом поприще мы стали чаще общаться и с Еленой Дмитриевной Ершовой.

Второй ступенью нашего сотрудничества стала административная работа. Елена Дмитриевна возглавляла кафедру теории музыки и композиции с 1983 по 1987 годы. В этот же период на меня были возложены обязанности по управлению учебным процессом вечерней и заочной форм обучения. Вопросы совершенствования организации занятий, подготовки методических пособий для самостоятельной работы студентов-заочников и многое другое решались Еленой Дмитриевной оперативно и качественно. Она не любила задавать лишних вопросов. Ей важно было понять смысл поставленной задачи — и проявляя собственную инициативу, включая в процесс педагогический состав кафедры, она умела всё необходимое воплотить в жизнь. А ведь кафедра теории музыки и композиции всегда была и сегодня остаётся кафедрой обще консерваторской, поскольку

Любимый педагог – Хмара Константин Леонидович

её преподаватели ведут занятия у студентов всех специальностей. Творческий подход Ершовой-руководителя позволил появиться авторским методикам обучения Н.Г. Хлебниковой, И.А. Никонова, О.И. Кулапиной, Л.А. Вишневской, Н.В. Ивановой и др.

В 1986 году ректором консерватории назначается профессор В.П. Ломако. Одним из первых и мудрых решений Валерия Петровича стало обновление штатного расписания и введение должности проректора по научной и творческой работе. Елена Дмитриевна — кандидат искусствоведения, доцент, теоретик по образованию, имеющая опыт руководящей работы, — прекрасно соответствовала этой новой в номенклатурной истории консерватории должности. Так начался следующий период нашего профессионально-человеческого общения с нею и совместной работы в качестве заместителей ректора.

Вспоминая сегодня те годы, отчётливо понимаю, что Елена Дмитриевна заложила основу всем научным направлениям в нашем вузе. Научные чтения памяти Б.Л. Яворского, Международный фестиваль немецкой культуры в Поволжье, Международный научный симпозиум «Прошлое, настоящее и будущее российских немцев», Международная научная конференция, посвящённая 125-летию со дня рождения Томаса Манна «Россия — Германия. XX век. Диалог культур», создание научно-информационного и культурно-просветительского «Шнитке-центра» и многое другое позволило преподавателям консерватории значительно расширить сферу своей деятельности,

гарантировало публикацию их научных изысканий в «Учёных записках СГК» и других изданиях.

На протяжении нескольких лет Ваш покорный слуга имел возможность наблюдать за тем, как Елена Дмитриевна организовывала свою работу, учиться у неё житейской мудрости. Мне очень импонировало то, что ни при каких обстоятельствах она не повышала голос, уважительно относилась к любой личности, терпеливо, рассудительно выслушивала разные точки зрения при принятии решений, всегда имела своё мнение, была последовательным и требовательным человеком. Все эти качества не мешали ей оставаться доброй и скромной.

Светлая память — светлomu человеку!

Егоров В.И.,
заслуженный артист РФ,
профессор кафедры народных инструментов

Студентка консерватории в читальном зале

■ ДОБРАЯ ПАМЯТЬ — ЗАЛОГ БЕССМЕРТИЯ

Мне кажется естественным растущее с годами чувство благодарности жизни, профессии, людям. Люди — это, пожалуй, самое главное. Особенно те, которые окружали тебя в трудную пору взросления и профессионального становления, явно или скрыто воздействуя на него. Елена Дмитриевна Ершова принадлежит к числу таких людей.

Поначалу я воспринимала её влияние извне. Как мне казалось тогда, нас разделяли не четыре года разницы в возрасте, а дистанция огромного размера. Если я только поступала в музыкальное училище или консерваторию, она их уже заканчивала. И это её «право старшинства» сохранилось во мне навсегда. Даже тогда, когда мы стали коллегами по кафедре, сблизилась, и я уже изнутри постигла её замечательные человеческие качества, моё отношение к ней продолжало бережно хранить харизматический оттенок первоначальных впечатлений. А они и не могли быть иными, если вспомнить пронзительно умные глаза Елены Дмитриевны, проницательность её ума, её деятельную активность, концентрирующуюся в энергию лазерного луча, и ещё многое из того, что определило её собственные профессиональные достоинства и очень скоро обеспечило ей авторитет замечательного теоретика и крупного учёного, но и — сверх того — влияло на всех нас.

Пожалуй, самое мощное влияние Елены Дмитриевны я связываю с всегда проявлявшимся в ней интересом к новому, будь то современная музыка, что воспринималось естественно, или современная научная мысль, что казалось

трудным, так как требовало усилий, напряжения и даже бесстрашия перед неизведанностью пути в *terra incognita* новых теоретических концепций, методологий, принципов мышления. Елена Дмитриевна не только подавала нам пример собственными научными изысканиями. Она заразила многих из нас «высокой болезнью» творческого отношения к современной науке, за что я благодарна ей более всего.

В огромном спектре достоинств Елены Дмитриевны есть ещё одно, которое выходит за узкопрофессиональные «цеховые» рамки. Думаю, что все, кто знал её, выделяли её общественную деятельность, восхищались организационным талантом, обеспечившем отношение к Елене Дмитриевне как к «мозгу консерватории». Сначала негласно, а затем официально (являясь проректором по научной работе) она достойно выполняла ту роль, которая соответствует «советнику президента», в нашем случае — ректора. Её прирожденную способность находить мудрые решения в самых сложных ситуациях, как мне кажется, высоко ценили и Александр Иванович Быстров, и Валерий Петрович Ломако, и Анатолий Александрович Скрипай. Она была «генератором» множества новаторских идей, то есть того, что в наши дни называют «проектами». Упомяну только два из них. Первый — регулярно проходившие под кураторством консерватории Олимпиады по музыкально-теоретическим дисциплинам среди учащихся музыкальных училищ региона, относящегося не только к Среднему

В фойе Большого зала

и Нижнему Поволжью, но и Северному Кавказу. К сожалению, финансовые проблемы 90-х годов прекратили существование этого проекта, но мне кажется, если бы Елена Дмитриевна не ушла от нас так рано, она смогла бы его возродить и тем самым восстановить утраченное лидерство кафедры теории музыки и композиции Саратовской консерватории в столь крупном регионе страны.

Второй проект, возникший по инициативе Елены Дмитриевны, связан с созданием в начале 90-х годов особой организации, имеющей своей адресной целью бывшую республику немцев Поволжья (её музыкальную культуру, начиная с фольклора немцев-переселенцев и кончая творчеством нашего земляка Альфреда Гарриевича Шнитке) и получившей название «Шнитке-центра». Сама идея и концепция деятельности «Шнитке-центра» принадлежат Елене Дмитриевне и имеют абсолютно «эксклюзивный» характер, поскольку существующий в Московском музыкально-педагогическом институте им. А. Шнитке подобный центр возник на пять лет позже, продублировав не только саратовскую идею, но даже имя организации.

При жизни Елены Дмитриевны «Шнитке-центр» сразу же проявил собственную творческую и научную необходимость в какой-то избыточной активности своей многофункциональной деятельности, на которую с благодарностью отреагировали даже сам Альфред Гарриевич Шнитке, а также представители Консульства ФРГ и Института Гёте. С уходом из жизни своего вдохновителя и лидера «Шнитке-центр» заметно сузил сферу своей деятельности, ограничив её непрекращающимся общением с жителями Энгельса, чтущими память своего великого земляка, а также регулярными проведениями Открытого Всероссийского конкурса молодых композиторов

им. А.Г. Шнитке. Последний VIII конкурс подтвердил своё право считаться явлением федерального уровня, так как в нём приняли участие композиторы из консерваторий Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Казани, Уфы.

Мне, ежегодно устраивающей по поводу разных юбилейных дат очередные конкурсы и олимпиады для учащихся музыкальных школ Энгельса или читающей в Краеведческом музее лекции, при любом посещении этого удивительного города всякий раз вспоминается Елена Дмитриевна, бывшая инициатором всех этих событий. И жители Энгельса вспоминают имя Елены Дмитриевны с особым уважением и чувством благодарности. Разделяя вместе с ними это чувство и расширяя его в пространство опыта собственного общения с личностью, отмеченной высокой незаурядностью, я думаю о том, что эта добрая, благодарная память и есть залог бессмертия имени Елены Дмитриевны Ершовой.

Вартанова Е.И.,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки и композиции

50-е годы. Е.Д. Ершова в читальном зале консерватории

■ ОЗАРЁННАЯ ЯСНЫМ РАЗУМОМ

Наша первая встреча с Леной Ершовой произошла в день моего приезда в Саратов, куда я попала по распределению после окончания Горьковской консерватории. Чувствовала я себя совершенно потерянной: незнакомое место, чужие люди, отличие от атмосферы Нижегородской консерватории, где мы были в курсе всяких музыкальных новаций, ездили на «Варшавскую осень». А тут меня пугает какая-то дама, представившаяся заведующей кафедрой истории музыки, угрожает всякими карами, если я посмею на занятиях по современной музыке говорить о том, что она называла «прозападным искусством». Впору собирать чемодан и уезжать. Но был штрих: рядом со мной при разговоре с грозной дамой неотступно маячила девушка, подававшая мне явно подбадривающие заговорщицкие знаки — то подмигнёт, то улыбнётся, то кивнёт. И когда дама, клеймившая «прозападное искусство», наконец-то удалилась, эта девушка подошла, сказала, что с этого учебного года заведует кафедрой она, а не та дама, и что нечего мне бояться, и вообще пора перейти на «ты». Так мы познакомились, и сразу у нас всё сложилось, стало общим — и дела, и друзья, и досуг. Жизненные и служебные перипетии мы с ней переживали как бы дважды — в реальности, а потом рассказывая о них друг другу.

С ней было легко — и не потому, что она меня во всём поддерживала (а без неё у меня в Саратове, скорее всего, вообще ничего не сложилось бы). Просто в ней не было никакой «мути», она была человеком с ясным, точным

разумом и верными жизненными ориентирами. И когда в ответ на просьбу или предложение она говорила «нет», это не было поводом для обид, а просто означало, что следует искать другое, верное решение, и от этого тоже становилось легче, потому что ситуация прояснялась.

Особенно хорошо было с ней на природе, за городом. Мы бродили по лесным тропинкам, я по большей части сидела на скамеечках, а она обегала всё вокруг, восхищалась всем, ликовала при виде цветка, грибочка, муравейника, жадно впитывала в себя звуки и запахи природы — будто чувствовала, что ей ненадолго дано всё это.

Решала она всё как-то «запросто», говорила кратко, по-деловому; заседание кафедры начиналось в половине пятого, решалась куча вопросов, а в пять мы уже сидели с мороженым в кинозале — благо, кинотеатров вокруг было много.

Кафедра была в то время очень разношёрстной: наряду с замечательными музыкантами (прежде всего, Марианной Фёдоровной Гейлиг, Натальей Сергеевной Аршиновой) встречались и сложные случаи. Один читал лекции по конспектам двадцатилетней давности, где точками отсчёта истории музыки были партийные съезды и пленумы; другая вызывала резкое отторжение у студентов, заваливавших руководство консерватории заявлениями по её адресу; третья был адептом крайне замшелых представлений о музыке, о молодёжи, о современных нравах и т. д. И как-то так случилось, что Леночка

60-е годы. Саратов. У консерватории

Как молоды и красивы

этот паноптикум нейтрализовала, ситуацию выправила, и то, что сейчас на кафедре работают педагоги с человеческими лицами — это, прежде всего, её заслуга.

Она «запросто» делала всё: будучи проректором по научной работе — не «тонула» в тоннах бумаги, умудряясь содержать их в абсолютном порядке, так, что в небольших отделениях письменного стола всё было на месте, и любой нужный документ моментально оказывался под рукой. Любимым начинанием стал «Шнитке-центр» — это была её идея, и она всё сделала для воплощения этой идеи в жизнь.

Ей вообще всё удавалось легко, или это только так казалось? Может быть, такое ощущение возникало от её манеры общения — простой, демократичной, не меняющейся ни от занимаемой ею должности, ни от статуса или возраста собеседника. Вследствие такого стиля общения с людьми её несомненное интеллектуальное превосходство не «давило» на собеседников, хотя именно ею всегда находился единственно верный путь решения любого вопроса.

Меня восхищала её решительность — может быть, оттого, что мне самой это качество несвойственно. А она, напротив, была смелым человеком, могла резко оборвать, нелюбезно высказаться, твёрдо обозначить свои принципы. Изначальная установка на ясность позиции проявлялась у неё во всём. Она всегда давала чёткие указания, учебный материал на уроках разъясняла просто, понятно, выявляла опорные моменты, видела всю конструкцию в целом, часто выписывала её в виде схемы или таблицы. Всё было систематизировано, разъяснено, соответствовало изучаемой теме и в плане теории, и по ощущению музыки. Та же ясность присуща её методическим материалам (благо, многие из них сохранились) и научным работам. Её очень высоко ценили крупные учёные — не случайно

Виктор Петрович Бобровский именно ей подарил рукопись своей докторской диссертации.

Грустно, что она ушла из жизни преждевременно — такой близкий, родной человек, молодая, красивая, умная, энергичная женщина, столько сделавшая для меня, как и для очень многих людей из её окружения. Значение Леночки постигается все эти годы, которые прошли, казалось бы, без неё, но одновременно с нею, потому что она остаётся с нами и после своего ухода.

Её облик сформировал некую сферу, сопричастность к которой стала благом для всех нас — и студентов, и педагогов, даже для тех, кто не был с нею знаком. Она занимала разные ведущие должности: заведовала кафедрами истории музыки, теории музыки и композиции, была проректором по науке, и иначе быть не могло при её интеллекте, профессиональном и личностном авторитете. Но в ней никогда не было карьеризма, она ничего не делала, ориентируясь на личную выгоду, не считаясь с интересами людей, преданных консерватории не корысти ради. Окружающие тянулись к ней, она имела свою «команду», мы были «её людьми».

Она и сейчас остаётся средоточием притяжения, мы навсегда в её команде, ощущение общности, родства между нами неизменно, я думаю, мы и остаёмся такими. До сих пор беседа близких ей по духу и по жизни людей редко обходится без упоминаний о ней, без фраз, подобных «если бы Леночка была жива»; «помните, как мы с Леной» и т. д. Она до сих пор объединяет нас. Спасибо, Леночка, за то чувство сопричастности, сроднённости с близкими тебе людьми, которое живёт в нас, которым ты нас одарила.

*Мальшева Т.Ф.,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки*

■ ВСПОМИНАЯ НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Прошло много-много лет с тех пор, как я не живу в Саратове. Но этот замечательный солнечный город, раскинувшийся на берегу красавицы Волги всё время со мной. И не только тогда, когда бываю в нём (к счастью, это происходит довольно часто). Сердце мое замирает, когда прохожу по Чапаевской, где девочкой жила с бабушкой и дедом, мимо дома в начале улицы Горького (раньше он назывался Домом научных работников), где часто бывала у матери — Маргариты Михайловны Уманской; по проспекту Кирова (у меня была там комната в доме недалеко от Крытого рынка), откуда уехала в Ленинград. С Саратовом меня связывают и могилы близких, и школьные друзья, и филологический факультет Университета, который так свято чтит память о моём отце. Ну и, конечно, музыкальное училище и консерватория — дом в начале Кировского проспекта (тогда они находились в одном здании), мои дорогие сокурсники, наши замечательные учителя.

Я всех их помню. Мои первые профессиональные представления о музыке связаны с Юрием Александровичем Авдеевым, Юлией Кирхгоф, которая потом жила в Ленинграде, и мы общались, и, конечно, с Константином Леонидовичем Хмарой, который преподавал нам теоретические предметы и в училище, и в консерватории — уникальный человек и музыкант. Во многих городах, где я побывала, работают его ученики и всегда вспоминают о нём с огромным пиететом. С уважением и благодарностью я вспоминаю Иосифа Алексеевича Тютманова, великолепного методиста, серьёзного и ответственного педагога, крайне порядочного человека (я имела возможность убедиться в этом), Марианну Федоровну Гейлиг — великолепного лектора и пианистку, супругов Таубе, Бориса Андреевича Сосновцева, Бориса Фёдоровича Манжору.

Среди тех, кто учился в консерватории в одно время со мной, многие стали впоследствии её педагогами, известными музыкантами — Толя Скрипай, Лёва Шугом, Ольга Кулапина, Лена Вартанова. Для меня встреча с ними всегда праздник. Среди них, конечно, и Лена Ершова, которая, к сожалению, так рано ушла из жизни. Я хорошо помню её по консерватории, хотя, мне кажется, что она кончала наше училище.

Лена училась, насколько мне представляется сейчас, курсом выше моего (хотя она меня немного моложе). Дело в том, что я поступила в музучилище после окончания средней школы и одного курса ВГИКА. Студентов-музыковедов на курсе тогда было немного — на моём курсе шесть человек, а у Лены ещё меньше, может поэтому мы все знали друг друга. Это была довольно высокая (для нашего поколения) девушка, спортивного телосложения, бледнолицая, хотя в Саратове, в основном, все загорали очень рано. У неё были красивые светлые волнистые волосы. Мне тогда казалось, что она самая серьёзная из нас. Впрочем, и сейчас Лена мне видится такой. Кстати,

это моё мнение разделял и К.Л. Хмара, в адрес этой студентки у него были эпитеты «серьёзная», «ответственная», «способная», «умная». Я помню, что она редко улыбалась, тем более смеялась. Всегда слушала внимательно, но будучи человеком сдержанным, не выплёскивала своих эмоций, что вызывало у меня уважение.

Лена говорила негромким голосом, больше слушала (особенно мой поток слов!). По специальности она занималась у Б.А. Сосновцева, которого она называла «Сосна», отзывалась о нём и о Хмаре очень уважительно. Видимо, характеристика Константина Леонидовича была справедливой, потому что Лена на несколько лет раньше меня вышла на защиту кандидатской диссертации, хотя мы с нею окончили консерваторию примерно в одно время. Она защищалась в нашем Совете, и её тема была связана с квартетами Мясковского. Я была на защите, всё было очень красиво. Была там также наш педагог по саратовскому училищу Рахиль Иосифовна (к сожалению, не помню фамилии), она уже тогда жила в Ленинграде и переживала за всех саратовцев.

Уехав в Ленинград, я практически не встречалась с Ершовой. Но всегда, при случае, расспрашивала приезжавших в Северную столицу саратовцев о ней и о других милых моему сердцу волжанках.

Последний раз я видела Лену в Саратове незадолго до её ухода. У меня были какие-то дела, а к Лене просьба, которая касалась мужа моей подруги. Мы договорились о встрече. Она принимала меня лёжа в постели. Несмотря на это, мне и в голову не пришло, что она больна. Выглядела очень неплохо, и мне показалось, что она почти не изменилась (мы ведь давно не виделись), была, как в молодости, сдержанна и спокойна. Только когда мы разговорились и стали вспоминать нашу юность, она оживилась. Пожалуй, такой оживлённой и даже несколько взволнованной, я её никогда не видела. Просьбу мою она выполнила. Это была наша последняя встреча.

Скафтымова Л.А.,
доктор искусствоведения,
профессор Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова

■ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОЛЛЕГЕ И ПОДРУГЕ

С Леной Ершовой я познакомилась в конце 60-х годов прошлого века: я тогда готовилась к защите кандидатской диссертации, а Лена только поступила в аспирантуру ГМПИ имени Гнесиных в класс Виктора Осиповича Беркова, который руководил и моей работой. Виктор Осипович нас и познакомил. Лена сразу произвела на меня очень хорошее впечатление. Чувствовалось, что она серьёзно относится к своим словам, к своим обязанностям, что она доброжелательна, отзывчива и помнит сразу обо всех делах. Дальнейшее общение укрепило это мнение.

Виктор Осипович был очень доволен её работой. Трудность состояла в том, что она хотела работать над творчеством Мясковского и выбрала его квартеты. А у Виктора Осиповича уже защитился аспирант, заведующий кафедрой теории музыки Рижской консерватории, Людвиг Андреевич Карклиньш, по теме «Гармония Мясковского». Тем не менее, Лена сумела так повернуть свою тему, что с диссертацией Карклиньша не было особых соприкосновений. Её защита прошла прекрасно.

Лена неоднократно бывала у меня дома во время своих аспирантских сессий. Я тоже несколько раз навестила её в Саратове. Особенно запомнились наши встречи на Научно-теоретической конференции 1992 года, посвящённой 100-летию со дня рождения Б.Л. Яворского. Яворский вместе с сотрудниками Московской консер-

ватории во время войны был эвакуирован в Саратов. Здесь он и умер. Родных у него в Саратове не было, и могила со временем пришла в запустение и вообще затерялась. Под руководством Елены Дмитриевны, которая в то время была проректором по научной работе Саратовской консерватории, к юбилею Яворского были проведены все работы по восстановлению этого памятного места. Во время конференции её участники посетили кладбище и почтили память великого музыковеда и деятеля отечественной культуры.

Елена Дмитриевна была светлым, спокойным и честным человеком, высоким профессионалом. Ей можно было доверить руководство научной работой консерватории. Она знала, кто и над какой темой работает, каковы перспективы исследования. С ней можно было откровенно говорить, советоваться, всегда чувствовалась её поддержка и словом, и делом.

Заложенные ею научные традиции Саратовской консерватории должны быть примером для новых поколений студентов и преподавателей.

*Глядешкина З.И.,
кандидат искусствоведения,
профессор РАМ имени Гнесиных*

70-е годы. Кафедра истории музыки

70-е годы. Саратов. Липки. С учениками

1972 г. С выпускниками. Третий слева - В.Здир

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ
НА ОТКРЫТИИ
МЕМОРИАЛЬНОЙ
ДОСКИ ПАМЯТИ
Е.Д. ЕРШОВОЙ (2001)**

«Разрешите мне начать торжественную церемонию открытия только что отремонтированного класса теории музыки и композиции и памятной мемориальной доски нашего проректора по научной работе, профессора, заслуженного деятеля искусств Елены Дмитриевны Ершовой. Это событие и торжественное и одновременно печальное, потому что мы сейчас переживаем тяжёлый период смены поколений, и уход Елены Дмитриевны в самом расцвете сил всеми нами был воспринят очень тяжело. Но так уж устроена жизнь, что смерть является её частью и наше дело — сохранять память и развивать традиции, заложенные многими нашими выдающимися музыкантами, исполнителями.

Память — это основа культуры, цивилизации и, по моему глубочайшему убеждению, основа нашего музыкального воспитания, истории. Ведь такого старого музыкального вуза, с богатейшими традициями, трудно найти в богатой России, и недаром утвердился полуофициальный термин, что есть «восьмёрка» таких

вузов: Москва (с двумя вузами), Петербург, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Екатеринбург и Новосибирск. Получается это и всё! Несмотря на обилие появившихся новых вузов.

В наших планах не только увековечивание памяти мемориальными досками (а в этом отношении есть ещё большие долги, потому что нет доски в классе В.С. Кузнецова, И.А. Тютманова, М.Ф. Гейлиг...). Это и восстановление фонотеки, увековечивание звукозаписей, проведение цикла научно-исследовательских архивных работ по обобщению наследия тех замечательных людей, которые долго работали в этом замечательном здании. И, конечно, имя Елены Дмитриевны Ершовой — одно из крупнейших в этой плеяде, и я с удовольствием открою вместе с теоретиками памятную доску у класса её имени».

Скрипай А.А.,
ректор Саратовской консерватории

1995 год

«Самое дорогое качество человека — это память. Курс анализа музыкальных произведений я проходила у Елены Дмитриевны. То, чем я сейчас пользуюсь, обучая своих студентов, я получила у Елены Дмитриевны, которая научила меня вникать в сущность музыкального произведения; учитывать, что существует не только некое образное содержание, но и то, чем этот образ формируется, то есть лад, тональность, метроритм... Всё это я помню и использую в обучении камерному пению, в специальном классе вокала.

Потом я получала образование и у Марианны Фёдоровны Гейлиг, и у Арнольда Арнольдовича Бренинга, но причастной к музыковедам стала благодаря именно

Елене Дмитриевне, потому что это было первое настоящее музыкальное образование. Я думаю, что самое главное качество педагога, — не учить, а образовывать. И Елена Дмитриевна меня не учила, она меня образовывала. Хочется сказать большое спасибо музыковедческим кафедрам за память к человеку, которого мы любим и уважаем. Спасибо!»

*Белосточная Н.Б.,
доцент кафедры академического пения*

После госэкзамена (1972)

«Мой поклон и слова благодарности Елене Дмитриевне — не для того, чтобы повторять уже сказанное. Елена Дмитриевна оказалась причастной к моей судьбе потому, что всегда знала, что надо другим, может быть лучше, чем они сами. Обо мне, одной из студенток её курса по анализу, она точно знала: где мне быть, жить и работать. В момент окончания консерватории я и моя семья оказались в сложной ситуации, связанной с распадом бывшего СССР и с вынужденностью поменять прежнее место проживания в Чеченской республике. И вот Елена Дмитриевна оказалась ближе

родственников, которые не смогли помочь в моих жизненных событиях. Это сделала она. Так я стала работать в консерватории. Собственно, и в Саратове я тоже оказалась благодаря тому, что в Грозненском училище занималась у её ученицы. Все важные вехи и события моей жизни оказались связаны с Еленой Дмитриевной. С её именем связано единство всех педагогов музыковедческих кафедр. Низкий ей поклон!»

*Хачаянц А.Г.,
доцент кафедры истории музыки*

«Дорогие друзья, мы собрались по высокому и печальному поводу. Радостно слышать столько прекрасных слов, воочию ощутить всю материализованность реальной памяти Елены Дмитриевны. А вообще, день сегодня необычный, день поминовения ушедших. Поэтому глубоко символично, что в этот день открыли мемориальную доску, и за это наша благодарность ректору и всем, кто осуществлял этот проект. Но все мы понимаем, что гораздо важнее, трепетнее и дороже наша реальная, живая память о нашей Лене, которая была человеком невероятно незаурядным...

Для меня она личность многоспектральная, и эта многоспектральность размещалась между двумя полюсами. Один — это мудрость, удивительно провидческое мышление, которое всегда помогало нам жить, было мощной реальностью в нашем существовании (мы растерялись в последнее время, нам без неё плохо, очень). Другой полюс — это её обезоруживающая доброта, естественная отзывчивость именно в личностных, человеческих отношениях. И для многих из нас Лена была совершенно потрясающим человеком в смысле отношения к нашим детям. Она их любила, не только одаривая конфетами, но и одаривая подлинным вниманием и заботой.

О ней можно говорить долго и бесконечно. Мне хотелось бы выделить главное, то, что с моей точки зрения, является константной основой для нашей кафедры, которой она долго руководила и продолжала руководить (так мы её воспринимали и в должности проректора). Я не без гордости говорю о том, что наши музыковеды высоко оцениваются в стране, о чём свидетельствуют отзывы председателей государственных аттестационных комиссий. Могу сослаться на Татьяну Наумовну Дубравскую (Московская консерватория), Людмилу Сергеевну Дьячкову (Российская академия музыки), которые нередко изумлялись выбору тем дипломных работ, которые становились источником получения совершенно новой информации. В этом отношении многое в нашей научно-исследовательской работе происходило благодаря Елене Дмитриевне.

Мне хотелось бы, чтобы это струение таинственной субстанции — того, что мы называем любовью, памятью, благодарностью — жило вечно, потому что Елена Дмитриевна этого заслуживает. Огромное ей спасибо!».

Вартанова Е.И.

*зав. кафедрой теории музыки
и композиции, профессор*

1997 г. После выпускных экзаменов. В.Е. Ханецкий, Е.Д. Ершова, Т.З. Джегнарадзе

The background is a soft, pink-toned marbled paper. In the lower-left corner, a single rose is depicted in a delicate, sketch-like style. The rose is light pink with subtle shading on its petals. Its stem is dark and slender, with a few small, dark leaves visible. The overall mood is nostalgic and gentle.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧЕНИКОВ

■ ПАМЯТИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ И ДРУГА

*Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекишие в мечтах любви напрасной,
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной,*

*Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,
Мне вас не жаль, изменницы младые,
Задумчивый, забав чуждаюсь я.*

*Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слёзы вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!*

А.С. Пушкин

Оглядываясь в прошлое пятидесятилетней давности, мысленно вижу совсем юных и таких разных моих однокурсников, а ещё наших ушедших педагогов: М.Ф. Гейлиг, Л.Л. Христиансена, Р.С. Таубе, Н.Ф. Таубе, Б.А. Сосновцева, И.А. Никонова, М.Н. Симанского, А.А. Бренинга — ставших теперь историей Саратовской консерватории.

О Елене Дмитриевне Ершовой говорить в прошедшем времени почти невозможно, не хочется, слишком важное место педагога и человека заняла она в моей

жизни. Таких людей за годы моей учёбы в училище и консерватории было не так уж и много, но тем сильнее чувства благодарности и трепетного почтения к ним, которые всегда будут пребывать во мне.

На младших курсах консерватории я плохо зарекомендовала себя как студентка музыковедческого факультета. Тогда я ещё не догадывалась о том, что неосторожно прогуливая занятия по чтению партитур у Б.А. Сосновцева и пропуская лекции по зарубежной музыке у М.Ф. Гейлиг,

1997 г. После госэкзаменов

навлеку на себя гнев и презрение ведущих педагогов нашего факультета. Для них не могли быть оправданием лирические мотивы пропусков занятий. В результате, даже на старших курсах мне было очень сложно изменить о себе их мнение. В отношениях с Борисом Андреевичем Сосновцевым я так и не смогла этого сделать. Елена Дмитриевна, уже будучи руководителем моей дипломной работы, призналась после защиты, что он даже не читал её. Единственное, что привлекло его внимание, — высококачественные, по тем временам, фотографии нотных примеров.

А между тем, самым любимым моим предметом из теоретических дисциплин, ещё со времён училища, был анализ музыкальных форм. В консерватории лекции по анализу читал Б.А. Сосновцев, а индивидуальные занятия вела Е.Д. Ершова. Это было замечательное и творческое время, судьба подарила встречу с педагогом одержимым, влюблённым в свою профессию, настоящим музыкантом. В ней была подлинная интеллигентность, ныне почти утраченная в людях. Демократичная, без какой-либо надменности, она умела держать дистанцию, а если требовалось, быть неприступной и жёсткой. Вместе с тем, меня всегда покоряли в ней удивительная мягкость в манере общения и какая-то григовская чистота и целомудренность.

Уже в студенческие годы в ней распознавался высокий интеллект, разносторонность интересов и основательная самостоятельность суждений и оценок. Она всегда была в курсе важных событий в искусстве, знала обо всех литературных и искусствоведческих новинках,

выписывала самые актуальные в те времена издания, отдавая предпочтение таким интересным и злободневным по тематике журналам, как «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов».

Но прежде всего музыка была её постоянной и необходимой средой обитания. Даже будучи серьёзно больной, она находила в себе силы и возможность, чтобы поехать на концерт, особенно если в программе были обозначены редко исполняемые произведения. На одном из таких концертов «Театра хоровой музыки» в ДК «Россия» мы увиделись с ней в последний раз.

Когда-то в свою студенческую бытность Лена Ершова, блестяще защитившись по творчеству Н.Я. Мясковского, призналась мне, что больше всего теперь боится остановиться в своём профессиональном росте — уже тогда она была очень требовательной к себе. Такой же требовательности и беспристрастной самооценки она добивалась от своих студентов. Помню, как в период работы над моей дипломной темой, посвящённой музыке Н.К. Метнера, мы часто говорили о необходимости воспитания в себе внутренней дисциплины, особенно важной в научной работе. Я открыла для себя, что это сродни настоящему творчеству. То была самая счастливая полоса моей жизни. И потом я не раз возвращалась к тем впечатлениям и ориентирам духовных ценностей, которые обозначила тогда мой Учитель Елена Дмитриевна Ершова.

Боровская Е.И.,
преподаватель ДМШ № 3 г. Саратова

2001 г. Жюри конкурса юных композиторов им.А.Шнитке

■ УЧИТЕЛЮ

Ершова Е.Д. и Беляева И.В. с учениками

Когда получила предложение поделиться воспоминаниями о годах общения с Еленой Дмитриевной, даже предположить не могла, что работа окажется такой трудной. И дело совсем не в том, что за годы стёрлась память об этом замечательном человеке. Скорее, со временем всё яснее понимаешь истинный масштаб личности. И кажется, что цепочка событий, встреч, занятий, общения — максимально значима только для меня и для моей профессиональной судьбы, но никак не может осветить неординарность и мощь Елены Дмитриевны Ершовой — человека, педагога, учёного.

Первая наша встреча произошла на вступительных экзаменах. Среди огромного количества незнакомых мне имён, фамилий, должностей и лиц Елена Дмитриевна запомнилась сразу: быстрые и энергичные движения, полное отсутствие даже намёка на «профессорскую назидательность», иронично-шутливые реплики и, главное, удивительно пронизательный взгляд. Казалось, что тебя «читают» и насквозь, и вглубь, и на несколько метров вокруг. Потом я не раз поражалась этому редчайшему умению безошибочно разбираться в людях буквально с первого взгляда. А уж нас, студентов, она просто видела насквозь, бесполезно было изображать из себя неординарность, наукообразие, или — в случаях лени — ссылаться на занятость или «творческий кризис».

Занятия в консерватории захватили всех нас целиком и полностью. Кроме традиционных занятий (лекций и семинаров), мы бегали почти на все концерты в филармонии, консерватории, Союзе композиторов и, конечно, на все заседания Научного студенческого общества (то самое легендарное НСО), одним из координаторов которого и была Елена Дмитриевна. Зелёные первокурсники, мы внимали всему происходящему,

иногда даже решались что-нибудь «вякнуть», тайно надеясь попасть, что называется, в тему. Знакомство с Еленой Дмитриевной становилось более тесным и профессиональным, и одновременно появлялось желание остановить свой выбор на занятиях в её классе к тому

На посту проректора НИР

Открытие научной конференции, посвящённой М.В. Тельтевской 22.02.2001 г

моменту, когда наступит специализация каждого из нас. Вот это был момент посложнее любого экзамена. Как говорится, «мы выбираем, нас выбирают!» Кто я есть и что я есть, чтобы меня взяла в свой класс такой педагог? Что я могу? Сейчас как полечу из класса вместе со своим нахальным заявлением! Просто ноги не шли от волнения. Но всё прошло так просто и на такой лёгкой, немного

смешливой ноте, что даже не сразу в это поверилось: меня в свой класс взяла сама Ершова!

Занятия по специальности никогда не были единственной составляющей работы в классе. Работа в НСО, интересные конференции, в том числе межвузовские, которые Елена Дмитриевна постоянно инициировала. Помню участие в конференциях и наших братьев — студентов

На отдыхе в Кисловодске

С.А.А. Фельдманом

из других вкзов, и авторитетных учёных Москвы, Нижнего Новгорода и (в то время) Ленинграда. Мы уже подрастали, к 3–4 курсу определялись с дипломными темами, мы уже «большие». Но и требования к нам предъявлялись всё более сложные: не только законспектировать, выучить, знать литературу, что само собой разумеется, но и найти, объяснить, сформулировать, аргументировать. То есть нас учили думать, наталкивали на настоящий научный подход к делу: найди проблему — определи и сформулируй её — найди пути её решения! Трудно безумно, и безумно интересно!

Огромную часть сил, времени, эмоций Елена Дмитриевна уделяла учащимся своего класса и, в частности, мне вне учебных занятий. Огромная информация, круг интересов, знаний настолько расширяли наш кругозор, и только с годами понимаешь, какой неоценимый вклад был сделан этой замечательной женщиной не только в наши головы, но и в наши души. В Дом офицеров мы вместе ходили на ретроспективу фильмов Андрея Тарковского, и именно от Елены Дмитриевны я узнала о поэзии Арсения Тарковского. Фильмы Феллини, Александра Митты, Михаила Швейцера — всего не перечислить. От неё мы узнали о вокальном цикле «Раёк» Д.+. Шостаковича — сочинения, совершенно не рекламируемого в конце 70-х годов. Это, к примеру, и «Бесы» Достоевского — кто об этом романе мог знать в годы, которые теперь называют «пиком застоя» и «апогеем коммунистической идеологии». И при всём этом, ненавязчиво, деликатно, без назидательности, но нас исподволь подталкивали: думайте, анализируйте, запоминайте, выбирайте, фильтруйте... До сих пор этот заложенный любимым педагогом инструмент работает и помогает не только в профессии, но и в жизни. Не знаю только, всегда ли я в состоянии использовать его КПД до конца или, будь такая возможность, получила бы сейчас некоторый «лёгкий шлепок» от Елены Дмитриевны и многое сразу бы прояснилось.

И на кафедре, и в студенческой среде авторитет Елены Дмитриевны был заслуженно высоким. Её побаивались

за строгость и прямоту, всегда жутко волновались на экзамене. «Вытягивать» своих учеников — да никогда! Напротив, к ним требования ещё жёстче! Простить глупость, головотяпство — никому и ни за что! Наглость, самонадеянность, зазнайство — это вообще из числа «смертных грехов». Можно ещё и нарваться на реплику или просто «выразительное молчание».

В преподавательской, научной, исследовательской работе Елену Дмитриевну всегда отличали удивительная лаконичность изложения, точность аргументации, удивительно тонкий инструмент анализа. И всё это сочеталось с железной логикой, научной обоснованностью, бескомпромиссностью и даже жёсткостью оценки, если этого требовали интересы дела. Многим она казалась некоей «железной леди», которую иной раз и побаивались. Но мало кто знал, какая тонкая и поэтичная натура таилась за внешней непоколебимостью. Меня просто поразила одна из её научно-исследовательских работ, в завершение которой она «вышла» на прекрасные стихи, сделав неповторимое поэтическое заключение научной работы. Никогда не забуду наших совместных «выездов» в окраинные районы Саратова, где мы любовались цветущими вишнёвыми деревьями, смотрели на разлив Волги, утопивший набережную почти до третьего яруса, взбирались наверх в Октябрьское ущелье. Природу Елена Дмитриевна любила самозабвенно!

Бесконечно и долго можно говорить об этом замечательном человеке, и, наверное, я так и не смогу завершить эту работу, потому что вспоминать буду всегда и со всё большей благодарностью и признательностью. Чем больше отдаляется время нашего обучения и общения с ней, тем яснее понимаешь: какое это счастье, что жизнь свела меня с этим замечательным человеком — Ершовой Еленой Дмитриевной. Дорогой Учитель, спасибо Вам великое за всё!

Никифорова Н.А.,

*преподаватель 1-го Московского областного
музыкального колледжа в г. Коломне*

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	2
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ	3
ВИШНЕВСКАЯ Л.А. Е.Д. ЕРШОВА: ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ, ЧЕЛОВЕК	4
КУЛАПИНА О.И. ОНА ПРОНЕСЛАСЬ ПО ЖИЗНИ, КАК ОГНЕННАЯ КОМЕТА...	9
ИВАНОВА Н.В О ЕЛЕНЕ ДМИТРИЕВНЕ ЕРШОВОЙ	10
ЕГОРОВ В.И. ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА ЕРШОВА — СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК	12
ВАРТАНОВА Е.И. ДОБРАЯ ПАМЯТЬ — ЗАЛОГ БЕССМЕРТИЯ	14
МАЛЫШЕВА Т.Ф. ОЗАРЁННАЯ ЯСНЫМ РАЗУМОМ	16
СКАФТЫМОВА Л.А. ВСПОМИНАЯ НЕЗАБЫВАЕМОЕ	18
ГЛЯДЕШКИНА З.И. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОЛЛЕГЕ И ПОДРУГЕ	19
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ОТКРЫТИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ ПАМЯТИ Е.Д. ЕРШОВОЙ (2001)	21
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧЕНИКОВ	25
БОРОВСКАЯ Е.И. ПАМЯТИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ И ДРУГА	26
НИКИФОРОВА Н.А. УЧИТЕЛЮ	28

Над выпуском работали:

Главный редактор:

кандидат искусствоведения

Е.Е. Маркелова

Ответственные редакторы:

доктор искусствоведения, профессор

Л.А. Вишневская,

кандидат искусствоведения

С.П. Шлыкова

Дизайн и вёрстка:

Д.А. Соколов

Подписано в печать

27.06.2022 года

Бумага Херох. Печать 50 экз.